

Свойство самое ценное

Самое сложное и самое важное для театра — быть современным. Причем современным и по тому, что именно он рассказывает о тех душевных движениях, страстях, которые обуревают человека нашего дня, и по тому, как именно он (театр) это делает. Ибо и чувства, и помыслы людские в разные эпохи проявляются по-разному. Соответственно время меняет и темперамент актеров, и даже форму театрального спектакля. От точности соответствия и того, и другого духу сегодняшней жизни зависит, поймут или не поймут зрители персонажей, которые изображают их чувства на сцене.

Но если некогда театр был монополен в изображении страстей человеческих, то теперь эту миссию разделяют с ним кино и совершенствующееся телевидение. Более того, они во многом разглядели сферу деятельности, которой раньше владел только театр. Зато у театра осталось, пожалуй, самое ценное и единственно ему присущее свойство — способность непосредственно разговаривать со зрителем. В этом разговоре зритель, искушенный, так сказать, с молодых ногтей может и должен быть соучастником. Если театр учит эту непосредственную реакцию на то, что происходит на сцене, он будет укреплять и развивать свое общественное значение. Если же он погонится за телевидением, как в свое время телевидение гонялось за театром, или поставит перед собой цель конкурировать с кино, как в свое время с ним конкурировало кино, — театр практически превратится просто в некое зрелищное мероприятие, но выполнять свою великую миссию будет не в состоянии.

Значит, перед драматургами — с них начинается театр, перед режиссурой — она толкует произведение, перед актерами — именно они в конечном счете остаются наедине со зрителем — возникает задача быть на уровне требований времени. Я не оговорился, когда подчеркнул значение актеров, так как умение возлечь зрителя в соучастие, когда начинается спектакль, целиком ложится на актерские плечи. Все, что

сделал режиссер и драматург, было «до».

Никакой режиссурой, никаким текстом нельзя подменить потребность зрителя видеть в артисте интересную, большую личность. И в том доверительном разговоре, когда артист не только сооб-

Самуил АЛЕШИН

щает зрителю нечто, не только исповедует перед ним, но и ждет от него отклика, артист заражает зрителя масштабом своей личности. Такие артисты есть на советской сцене. Назову сейчас лишь двух из тех, кого наиболее ценю.

Один, уже широко и справедливо признанный, артист, способный на самый тонкий, глубокий и откровенный разговор со зрителем, — это Иннокентий Смоктуновский. Второй открылся мне полностью именно в этом плане сравнительно недавно, хотя я и раньше знал, что он отличный актер. — Лев Дуров из Театра на Малой Бронной. Его последние работы — штабс-капитан Снегирев в «Брате Алеше» (по Достоевскому) и Станарель в «Дон Жуане» особенно — показывают, что этот артист владеет в весьма высокой степени способностью чутко понимать зрителя.

Ныне и пьесы должны быть написаны с учетом повышенной, возможной способности актера увеличить сценическую емкость произведения.

В связи с этим неумолимо встает проблема театра и зрителя. И хотя зритель наш, как справедливо принято говорить, вырос, он все же очень разный. Мне думается, в нашей практике нужно ориентироваться именно на наиболее взрослого зрителя, который жаждет серьезного и глубокого разговора. Но не будет ли это стремлением к некоей элитарности? Думаю, что нет, так как театр не книга, с которой человек остается наедине. Театр — место соборное. Он не только вмещает в своих

стенах тысячи, но и объединяет их. Происходит великое чудо: возникает общий разум, общее чувство, значительно более глубокое, более сильное и яркое, чем мысли и чувства каждого.

Театр способен поднимать — в этом также его общественная функция. Ни в коем случае не надо работать с оглядкой на зрителя, «который не поймет». Нет, именно на того, который поймет. И тогда он скажет нам спасибо за доверие к его разуму и сердцу. А тот, который поначалу не поймет, обязательно тут же в театре заразится общим настроением зала — его чувствами и мыслями — и будет нам благодарен за то, что театр помог открыть ему в себе самую эту способность к глубокому сопереживанию и созреванию.

Теперь я отвечу на вопрос о том, как обстоят мои творческие дела. В Москве идут мои пьесы: в Малом — «Дипломат», в Театре им. Моссовета — «Другая». А комедию «Тогда в Севилье» поставил и играет в Москве такой, на мой взгляд, восхитительный коллектив, как Театр мимики и жеста. Не могу не сказать, как порадовали меня остроумие режиссерского решения, пластичность и всесокий профессионализм актеров.

Сейчас работаю над темой, которая меня остро интересует. Я всегда понимал, что суд — средоточие человеческих потрясений, знаком со многими судебными работниками, не раз присутствовал на судебных заседаниях, но сюжет выбрать было трудно. И наконец кое-что найти удалось.

Новая пьеса «Гражданское дело» репетируется и должна быть выпущена в Театре им. Маяковского.

Развитию той же темы посвящена и следующая пьеса, работу над которой завершаю. В ней рассматриваются такие нравственные проблемы, которые как бы выходят из стен суда в зрительный зал. Продолжают меня интересовать и вопросы, которых я уже коснулся в пьесе «Дипломат», — вопросы «дипломатические». На эту тему сейчас работаю не только для театра, но и для кино.